

Содержание



Предисловие	3
Вечное возвращение	7
Выя	28
Тень моего брата	55
Замещение	84
Космос под кожей	114
Дыра	137
Секретарь	185
По течению Обратного года	201
Глоток праха	285
Дверь в восточной стене	299
Жизнь после смерти Бога	326
На краю, лицом к закату	357
Касия	389
Девочка, которую любили	403
Чрево	431
Прах и пепел	466
День открытых могил	513
Имя	544
Послесловие	561

Предисловие



Ноггор [хоррор, ужас] — слово латинское, но шло оно к нам из латыни очень долго и окольными путями. Латынь уж давно умерла, а слово все ползло по горам, по оврагам, по океанскому дну. В XIX веке, в золотой полдень русской литературы, никто у нас никакого «хоррора» еще не знал, хотя латынь изучали с детства, и уже были написаны шедевры ужаса — «Вечер накануне Ивана Купала», «Вий» и «Страшная месть» Гоголя, «Семья вурдалака» и «Упырь» А. К. Толстого, «Сон» и «Рассказ отца Алексея» Тургенева и не только. Лишь в последние десятилетия слово, дав чудовищный крюк, доползло до нас, успев обрасти полипами коннотаций. Жанр ужаса, или хоррора, — явление не новое на Руси, в классическую литературу оно вошло вместе с Пушкиным и Гоголем, а прежде них встречалось и в церковной письменности, и в фольклоре, разве что имя свое получило недавно.

Но верное имя найти — это лишь полдела, следует еще и фамилию определить, ведь при одинаковых именах фамилии могут различаться. Поэтому сейчас у нас не один хоррор, а целая толпа хорроров — все тезки с разными фамилиями.

Есть хоррор, который уходит корнями в творчество Эдгара По и Амброза Бирса.

Другой хоррор следует традиции Говарда Лавкрафта, Августа Дерлета, Кларка Эштона Смита. Третий хоррор уходит корнями в Стивена Кинга. Четвертый — в Клайва Баркера... Таких фамилий много, они то идут параллельно друг другу, то пересекаются в брачных связях. Поэтому, прежде чем начнете читать мои рассказы, хочу дать вам некоторое представление о том, что вас ждет.

У моего хоррора русские корни: Пушкин, Гоголь, Одоевский, Достоевский, Тургенев, А. К. Толстой, Гаршин, Куприн, Сологуб, Андреев, Булгаков, Хармс, Платонов, Л. М. Леонов, Набоков, Мамлеев. Но отростки корня тянутся и в чужую почву — к Гофману, По, Блэквуду, Майринку, Конраду, Кафке, Лавкрафту, Сартру, Кортасару, Ф. К. Дику, Павичу, Лиготти.

Не буду говорить про каждый рассказ сборника, лишь про некоторые из них скажу кое-что.

Первый рассказ «Вечное возвращение» зародился на том самом зловещем пустыре, который в нем описан, когда я с тревогой озирался по сторонам, проходя эту пустошь. Концепция ницшеанского *Ewige Wiederkunft* — Вечного возвращения — как-то сама собой спроецировалась на библейско-эсхатологические представления о воскресении мертвых в телах с новыми свойствами, возможно чудовищными.

«Тень моего брата» — выполз на свет из детских страхов перед гипнозом. В детстве я слышал полный ужаса рассказ человека, попавшего под гипнотическое воздействие, и часто

представлял, а что же будет со мной, когда я сам попаду под власть гипнотизера?

«Дыра» — плод чтения научных докладов академика Владимира Михайловича Бехтерева, чьи идеи я перенес в рассказ, правда, придав им кошмарный оттенок.

«Секретарь» — плод чтения русской монашеской литературы XIX и начала XX веков: дневники, письма, биографические сочинения, монастырские летописи. Это целый культурный пласт, малоизведанный и залегающий рядом с пластом русской классики, но при этом едва-едва с ним соприкасающийся.

«По течению Обратного года» — плод моей любви к Гоголю и Куприну, попытка скрестить мотивы двух классических шедевров — гоголевской «Страшной мести» и купринской «Олеси».

«Дверь в восточной стене» — результат погружения в философию индуизма, в которой под ведическими завалами можно узреть кошмарные глубины, полные предвечного ужаса.

«День открытых могил» — опыт соединения двух редких жанров *некрофутуризма* и *некроапокалиптики*.

Последний рассказ «Имя» — родился из жутковатых историй о том, как в девяностые годы поступали в роддоме моего родного города с мертворожденными младенцами, если родители не требовали выдать им тело.

Пока не поздно, пока вы не приступили к чтению, должен вас предупредить: в моих рассказах вы можете столкнуться не только с мистической жутью и загробным ужасом, но еще и с некоторыми крайне неприятными

деталями, которые могут шокировать особо впечатлительных читателей. Надо знать, что понятие *hoggor* подразумевает не только жуткое, страшное и кошмарное, но еще и отвратительное. *Hoggor* — это не гладкая асфальтированная дорога, но петляющая по лесам и пустошам тропа, ездить по которой опасно: иногда так тряхнет, что желудок подступит к горлу и до крови прикусишь язык. Но ведь удовольствие заглянуть в лицо кошмарам стоит того, не так ли?

Вечное возвращение



На Взлетке, недалеко от заброшенного аэродрома, открылся гипермаркет «Лента». Ближайшие жилые дома, стоявшие на южной окраине 14-го микрорайона, отделял от «Ленты» обширный пустырь. Через него-то и ходили в гипермаркет и обратно местные жители, протоптавшие отчетливую тропу.



Багрянцеву пришло рекламное СМС-сообщение о том, что «Лента» на Взлетке начала работать по ночам, что в течение двух ночей, с нуля часов до шести утра, будет действовать двадцатипроцентная скидка на все товары, кроме тех, разумеется, что участвуют в других акциях.

Он как раз собирался спать и раскладывал диван, когда мобильник тренькнул сигналом входящего сообщения. Прочитал новость; сонливость тут же выветрилась. До «Ленты» идти минут пятнадцать или чуть больше, полночь наступит через тридцать пять минут, значит, как раз пора выходить,— соображал Багрянцев, одеваясь второпях.

Шел, как обычно, через пустырь. Можно было пойти длинным путем — по дороге, что размашистой дугой подходила к гипермаркету,

но этот путь Багрянцеву не нравился. По одну сторону дороги длинный ряд гаражей, по другую — забор новостройки; никаких тротуаров, идти приходилось прямо по проезжей части, а там развели грязищу, которая в сухую погоду превращалась в толстый слой пыли. Дорога через пустырь и чище, и короче. Хотя в последнее время какое-то неприятное чувство посещало Багрянцева на пустыре, и он в этом чувстве никак не мог разобраться.

С удивлением увидел, что с левой — по ходу движения — стороны от тропы возникло на пустыре прямо-таки болото. Откуда? Почва там каменистая. Даже после сильных дождей никогда в тех местах не скапливалась вода. Может, грунтовые воды пробились к поверхности? Впрочем, Багрянцев решил: болото — так болото, и черт с ним!

С болота тянуло мерзостной сыростью. Казалось, восточный ветер, срывающийся с гор, пролетавший над бухтой и коченевший в пути, попадал на болоте в лабиринт, где разбивался на тонкие злые потоки, под разными углами вырывавшиеся к тропе. Багрянцев шел, а его словно касались щупальца невидимых тварей, как будто он — живой товар, проходящий через ряд покупателей, что придирчиво примеряются к нему в раздумье: не взять ли нам его?

Поеживаясь, дошагал до гипермаркета.

И вот тебе раз! Путешествие, оказывается, было напрасным. Створки входной двери не раздвинулись перед Багрянцевым. «Лента» не то что не работала ночью, но даже закрылась на полчаса раньше обычного: бумажка с цифрами «23:30» залепила собой четыре нуля

на объявлении о времени работы магазина. Перечитав еще раз эсэмэску, раздосадованный Багрянцев заматерился и двинулся в обратный путь.

Не сразу он понял, что воздух на пустыре теперь неподвижен. И встал над болотом туман, которого не было там каких-то пару минут назад. Около «Ленты» вился пронизывающий ноябрьский ветер, а пустырь словно накрыло стеклянным колпаком. Воздух над пустырем был спокоен, как застоявшаяся вода. И не сыростью, не холодом тянуло с болота — чем-то другим. Худшим.

Багрянцев остановился на тропе, развернулся в сторону болота. Всмотрелся в залитый лунным светом пейзаж, смазанный туманной дымкой. Даже принюхался, шумно втягивая ноздрями воздух.

И понял, как назвать то, что так не нравилось ему здесь в последние дни. Сейчас оно усилилось, стало явственным, почти осязаемым, уже доступным для именованя. Это был страх. Будто густой смрад, он выползал с болота на тропу, окутывал, обволакивал, просачивался сквозь поры под кожу, заползал в легкие, тошнотворной паутиной касался сердца.

Вверх от ступней побежали судороги — такие частенько случались у Багрянцева от холода, — но сейчас, поднявшись до колен, судороги не остановились, как обычно, а поползли выше, добрались до самой шеи, которую тут же покосило набок, и перекинулись на лицевые мышцы. Багрянцев хотел сорваться с места и побежать, но подвели ноги, деревенеющие от

спазмов. Он едва ковылял, чувствуя, как смыкаются челюсти страха.

Когда Багрянцев почти добрал до конца тропы, в полусотне метров за его спиной выбралась из болота тень. Бесформенный темный сгусток зашевелился, поднимаясь и приобретающая человекообразные очертания. Багрянцев не видел его, но меж лопаток скользнула ледяная змейка. Он застыл в дурном предчувствии. Обернулся, заметил шагающий к нему силуэт и лихорадочно заковылял прочь.

Темная фигура шла медленно, как идут под водой, преодолевая сопротивление среды. Казалось, сами законы нашего мира желали исторгнуть прочь это чужеродное существо. Фигура конвульсивно подрагивала, кривилась, слегка расслаивалась на сегменты разной плотности, как бывает с телевизионным изображением при плохом сигнале. Через каждые пару-тройку шагов фигуру немного сносило назад, словно ее движение переключалось на реверс, но тут же, выправившись, продолжалось в прежнем направлении.

Когда пустырь закончился, идти стало легче. Боль в ногах почти унялась, шаг ускорился. Багрянцев прошел через асфальтированную площадку, которую водители маршруток облюбовали для конечной остановки. Сейчас она была пуста. Прошел мимо закрытого продуктового магазина в нижнем этаже высотки, ближайшей к пустырю.

И подивился: да что ж так темно?!

Совсем недавно, когда он шел в сторону «Ленты», здесь горели уличные фонари, в домах светились окна, витрину закрытого продук-

тового магазина озаряли гирлянды мигающих зеленым и красным светодиодных лампочек, но теперь светила лишь луна, да в нескольких окнах ближайших домов болезненно теплился тусклый, явно не электрический, свет.

Багрянцев прошел мимо кафе, в котором каких-то двадцать минут назад справляли свадьбу. Но сейчас кафе было закрыто, и даже автомобильная стоянка перед ним опустела.

«Сволочи!» — с неожиданной злобой подумал Багрянцев и представил с мрачным удовольствием, как в разгар свадьбы отключается электричество, кафе, заполненное празднующими людьми, погружается во тьму, и те, гремя стульями, чертыхаясь и светя перед собой мобильниками, пробираются к выходу, чтобы рассестись по машинам и спешно разъехаться. Тут же заметил, что думает об этих незнакомых людях так, будто они в чем-то провинились перед ним.

Приближаясь к своему дому, Багрянцев озираясь — не маячит ли позади темный силуэт, — но никого не заметил. И отсутствие преследователя, вместо того чтобы успокоить, внушало тревогу, от которой слегка подташнивало, будто в желудке копошились чьи-то холодные пальцы.

Вошел наконец в подъезд. Здесь тоже не было света. Пришлось подниматься темными лестничными пролетами на шестой этаж. На подходе к третьему началась одышка. Сердце колотилось. Да еще темень могильная. Поднимаешься по ступенькам, а кажется, будто мучительно выкапываешься из земли, из какой-то обвалившейся шахты. В мобильнике фонарика нет, экран маленький, света почти никакого,